

BRIAN EVENSON

LAST DAYS
A COLLAPSE
HORSES

БРАЙАН ЭВЕНСОН

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПАВШИЕ КОНИ

ПОСЛЕСЛОВИЕ
ПИТЕРА СТРАУБА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
СЕРГЕЯ КАРПОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)
Э15

Серия «Мастера ужасов»

Brian Evenson
LAST DAYS
A COLLAPSE OF HORSES

This edition published by arrangement with
Frances Goldin Literary Agency, Inc.
and Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского: *Сергей Карпов*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *К. А. Терина*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В анонсе использовано предисловие
из сборника Томаса Лиготти «Ноктуарий»
© 2018 Tomas Ligotti

©Last Days — Copyright © Brian Evenson, 2008, 2009
«The Brotherhood of Mutilation» originally published in
limited edition by Earthling Publications, 2003
A Collapse of Horses — Copyright © Brian Evenson, 2016
© Сергей Карпов, перевод, 2019
© К. А. Терина, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Для Павла

БРАТСТВО УВЕЧИЙ

Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя...

Матфей 5:29—30

I

Почему они позвонили, он понял лишь позднее — слишком поздно, чтобы это знание могло ему чем-то помочь. А в самом начале двое мужчин сказали по телефону следующее: что видели его фотографию в газете, читали о его работе под прикрытием и так называемом героизме, о том, как он не дрогнул, ничего не выдал, когда на него напал человек с секачом — или «джентльмен с секачом», как они предпочитали его называть. Правда ли, интересовались они, что он не дрогнул? Что он просто наблюдал, как человек поднял секач и опустил рука Кляйна вдруг стала отдельным, умирающим существом?

БРАТСТВО УВЕЧИЙ

Он не стал отвечать. Просто сидел, прижимая телефонную трубку к голове здоровой рукой, и смотрел на культю. Блестящее, слегка скукоженное завершение плоти, шелушащегося и злобного вида.

— Кто это? — наконец спросил он.

Люди на другом конце провода рассмеялись.

— Это стучится в дверь удача, — сказал один из них — тот, что с глубоким голосом. — Вы хотите провести всю жизнь за бумажной работой, мистер Кляйн?

Второй — который пришепетывал — продолжал задавать вопросы. Правда ли, что после того, как Кляйн снял ремень второй рукой и затянул шину на культе, он встал, включил горелку на плите и сам прижег рану?

— Может быть, — сказал Кляйн.

— Что «может быть»? — спросил Басовитый.

— Мои данные получены из проверенного источника, — сказал Шепелявый. — Плита была электрическая или газовая? Наверное, с электрической получилось бы лучше. С другой стороны, нагревается она небыстро.

— Это была не плита, а плитка, — сказал Кляйн.

— Плитка? — переспросил Басовитый. — Господи, плитка?

— Значит, электрическая? — спросил Шепелявый.

— Больше ничего не было, — сказал Кляйн. — Только плитка.

Брайан Эвенсон. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

— А затем, когда вы прижгли рану, то выстрелили джентльмену с секачом прямо в глаз,— сказал Шепелявый.— Причем левой рукой.

— Может быть,— сказал Кляйн.— Но в газетах этого не было. Кто вам сказал?

— Проверенный источник,— ответил Шепелявый.— Больше вам знать не стоит.

— Слушайте,— сказал Кляйн.— Что происходит?

— Удача,— ответил Басовитый.— Я ведь уже сказал.

— В аэропорту ждет билет на ваше имя.

— Почему? — спросил Кляйн.

— Почему? — переспросил Шепелявый.— Потому что мы вами восхищаемся, мистер Кляйн.

— И нам не помешает ваша помощь.

— Какая помощь?

— Нам нужны вы, мистер Кляйн. И никто другой,— ответил Басовитый.

— Вот как? — сказал Кляйн.— А с чего мне вам доверять? Кто вы вообще такие?

Шепелявый рассмеялся:

— Мистер Кляйн, полагаю, сейчас вы уже понимаете, что доверять нельзя никому. Но почему бы не рискнуть?

Ехать было незачем. Басовитый ошибался — перед Кляйном не стоял выбор между бумажной работой и их предложением, в чем бы оно ни заключалось. Он вполне мог прожить на назначенную

пенсию. К тому же, сразу после того, как лишился руки, сам прижег рану и прострелил глаз так называемому джентльмену с секачом, он позволил себе вольность и в качестве компенсации за травму прихватил чемодан, где лежало несколько сотен тысяч долларов. Этот поступок он считал глубоко моральным в библейском духе, в духе Ветхого Завета: око за руку, с доплатой. А то, что за оком оказался еще и череп с мозгом,— чистая случайность.

Короче говоря, принимать приглашение было незачем. Лучше сидеть на месте, заказать протез по своей культи или хотя бы носить крюки, которые ему выдали, учиться ими пользоваться. Совершенствоваться в одноруком гольфе. Приобрести шкаф протезов на все случаи жизни. Накупить сигар. Перед ним открыта вся жизнь, говорил себе Кляйн. Пусть эта удача за дверью хоть обстучится.

Кроме того, ему становилось все труднее вставать по утрам. Не из-за настоящей депрессии, но подниматься было особенно тяжело, когда он вспоминал, что дальше первым делом придется чистить зубы левой рукой. И потому он все больше и больше времени тратил на то, что поглаживал культю или просто таращился на нее. Она, ее окончание — одновременно и его часть, и не его,— завораживали. Иногда Кляйн по-прежнему тянулся за чем-нибудь отсутствующей рукой. Часто просто не мог надеть крюк. А если он не мог заставить себя надеть крюк, то как в таком состоянии можно выйти из дома? А если из дома не выйти, то как

добраться до аэропорта, не говоря уже о том, чтобы забрать билет или тем более сесть на самолет?

«Все пройдет,— говорил он культе.— Однажды мы выйдем из дома. Всё обязательно будет хорошо».

Через неделю они перезвонили.

— Вы пропустили,— сказал Шепелявый.— Вы пропустили рейс.

— Вам страшно? — спросил Басовитый.— Вы боитесь летать?

— Как ты можешь так говорить? — спросил Шепелявый у Басовитого.— Разве может такая мелочь напугать человека, который прижег собственную культу?

— Значит, он не успел на рейс,— ответил Басовитый.— Поздно выехал. Может, задержался на проверке.

— Да,— сказал Шепелявый.— Не иначе.

Оба замолчали. Кляйн не отнимал трубку от уха.

— Ну? — спросил Шепелявый.

— Что — ну? — спросил Кляйн.

— Что случилось? — спросил Шепелявый.

— Я не поехал.

— Он не поехал,— повторил Басовитый.

— Это мы знаем,— сказал Шепелявый.— Мы знаем, что вы не поехали, иначе уже были бы здесь. Если бы вы поехали, мы бы вам не звонили.

— Да,— сказал Кляйн.

В трубке снова замолчали. Кляйн слушал и смотрел на занавешенное окно.

— И? — спросил Басовитый.

— Что — и?

— Черт возьми, — сказал Шепелявый. — Нам что, повторять все сначала?

— Слушайте, — сказал Кляйн. — Я даже не знаю, кто вы такие.

— Мы уже сказали, кто мы такие, — сказал Шепелявый.

— Мы — удача, — сказал Басовитый. — И мы стучимся в дверь.

— Я сейчас повешу трубку, — сказал Кляйн.

— Он повесит трубку, — прокомментировал Басовитый устало и безысходно.

— Стойте! — воскликнул Шепелявый. — Нет!

— Ничего личного, — сказал Кляйн. — Просто вы не к тому обратились.

Стоило ему положить трубку, как телефон почти сразу снова зазвонил. Он отвернулся. Встал и обошел квартиру, из комнаты в комнату. Их было четыре, если считать ванную. В каждой он отчетливо слышал звонок. Тот не замолкал.

В конце концов Кляйн ответил:

— Что?

— Но мы обратились к правильному человеку! — с отчаянием воскликнул Шепелявый. — Мы такие же, как вы.

— Вас ждет билет... — начал Басовитый.

— Никаких билетов, — сказал Кляйн. — Никаких шансов. Вы обратились не по адресу.

Брайан Эвенсон. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

— Вы думаете, мы связаны с человеком с топором? — спросил Шепелявый.

— Секачом, — поправил его Басовитый.

— Мы не связаны с ним, — сказал Шепелявый. — Мы такие же, как вы.

— Какие же? — спросил Кляйн.

— Приезжайте и увидите, — ответил Басовитый. — Почему бы не приехать?

— Если бы мы хотели вас убить, — сказал Шепелявый, — вы бы уже были мертвы.

«Как странно, — подумал Кляйн, — когда тебе угрожает шепелявый человек».

— Пожалуйста, мистер Кляйн, — сказал Басовитый.

— Мы не хотим вас убивать, — сказал Шепелявый. — Следовательно вы еще живы.

— Неужели вам ничуть не интересно, мистер Кляйн? — спросил Басовитый.

— Нет, — сказал Кляйн. И повесил трубку.

Когда телефон зазвонил опять, он выдернул его из розетки. Скотал провод вокруг аппарата и убрал в шкаф.

Обошел дом. Понял, что ему придется выйти через день-другой купить еды. Зашел в спальню и достал из прикроватной тумбочки блокнот и ручку. Перешел на кухню, открыл дверцы всех шкафчиков, холодильника и морозилки и сел думать.

«Яйца», — подумал Кляйн.

«Яйца», — написал он, но из-за того, что держал ручку левой рукой, получилось «Айца».

«Моя левая рука не хочет яиц,— думал он.— Она хочет айца».

Кляйн продолжил составлять список, а левая рука слегка уродовала каждое слово. «И что думаешь?» — спросил он культю. А потом спросил себя, с кем говорит: с культей или с отсутствующей рукой. А разве это важно? Интересно, что стало с его рукой? Наверно, осталась на столе, где ее отрубили. Наверно, там и лежала, когда прибыла полиция, забрала ее на заморозку и занесла в вещдоки. Наверно, где-то так и валяется, в холодильнике.

«Значит, айца,— думал Кляйн.— И злеб. И, пожалуй, пару стаканов шолока».

Он таращился на блокнот, оторвался лишь тогда, когда услышал, как капает вода в разморозившемся холодильнике. Он не знал, сколько времени прошло.

Встал, закрыл холодильник и морозилку, а потом стоял и ждал, пока они снова загудят.

* * *

Прошла пара дней. Электробритва сломалась — издавала только низкое жужжание, когда ее включали. Кляйн перестал бриться. Еда почти закончилась. «Придется сходить в магазин», — подумал он, но вместо этого выпил прокисшее молоко.

Он лежал в кровати, придерживая на груди одной рукой стакан с белыми разводами. Можно

Брайан Эвенсон. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

встать. Можно встать с кровати и выйти из дома. «Нужно сходить в магазин,— подумал Кляйн, но решил: — Потом». Он всегда успеет сходить в магазин потом. За айцами и хлебом. Неожиданно он понял, что стакан держала отсутствующая рука. Тот балансировал на груди, а рядом расположилась культия — тупоносое животное. Кляйн даже не знал, как стакан вообще сюда попал.

Через несколько часов Кляйн понял, что никуда не пойдет. Кольцо молока на дне стакана засохло белой пленкой и растрескалось. Может быть, прошло несколько дней. «Я упустил свой шанс», — понял Кляйн, а теперь остатки воли утекли, и уже поздно. Он закрыл глаза. Потом открыл, но снаружи было темно, так что он закрыл их опять.

Когда Кляйн открыл глаза в следующий раз, в комнату из-за штор сочился бледный свет. Рядом на стульях, принесенных из кухни, сидели двое. Несмотря на то что в комнате было тепло, они закутались в толстые куртки, перчатки и шарфы.

— Здравствуйте-здоровствуйте,— сказал один басом.

— Мы стучали,— сказал второй. Верхней губы у него почти не было, на ее месте остался рваный шрам; казалось, губу отрезали садовыми ножницами.— Мы стучали и стучали, но никто не открывал. И мы вошли сами. Было заперто, но мы знали, что вы запирались не от нас.

Когда Кляйн ничего не ответил, человек с разорванной губой снова заговорил:

